

пословиц огромен. С середины XX столетия широко развернулись исследования по изучению проблематики пословиц. В настоящее время и пословицы, и поговорки широко употребляются не только в устной, разговорной речи, но также и в газетной речи, так как обладают устойчивостью, краткостью, образностью. Общими и обязательными признаками пословиц и поговорок являются следующие, отвечающие коммуникативно-воздействующим функциям:

- 1) краткость // лаконичность // сжатость;
- 2) устойчивость // способность к воспроизведению;
- 3) связь с речью // обе речевые конструкции (пословица и поговорка);
- 4) принадлежность к искусству слова // к жанру устного народного творчества;
- 5) широкая употребляемость // устная и письменная речь;
- 6) многозначность // полисемичность;
- 7) синтаксическая обусловленность // пословица – в форме двусоставного, односоставного, простого, сложного предложения, поговорка – в форме односоставного предложения и части предложения;
- 8) общие источники возникновения // а) античность, б) фольклор, в) литературный источник – авторские;
- 9) структурные и стилистические особенности пословиц и поговорок подчинены задачам коммуникации // слово – соответствует понятию, предложение – суждению.

Коммуникативная направленность пословиц и поговорок актуализируется в газетном тексте.

Газетное слово, в частности выраженное через пословицы и поговорки – это простое слово, обладающее, однако, способностью ясно и точно выражать самые сложные понятия. Коммуникативная общезначимость пословиц и поговорок как источника выразительных, действенных, экспрессивных средств обуславливает специфические качества газетного текста.

1. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе.- М., 1971
2. Аникин В.П. Русский фольклор.- М., 1987
3. Соколов Ю.М. Русский фольклор.- М., 1968
4. Пушкирев Л.Н. Русские народные пословицы в записях XVII века. – Вопросы истории. №1, 1974
5. Белинский В.Г. Сочинение 1898, IX том
6. Морозова Л.А. Художественные формы пословиц. – 13 сб. Вопросы жанров русского фольклора. - М., 1972
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. - М., 1957
8. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX веков. - М., 1961
9. Шеркович Ю.А. О природе и функциях массовой коммуникации.-М., 1987
10. Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965
11. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966
12. Снегирев И.М. Опыт рассуждения о русских пословицах. М., 1823
13. Буслаев Ф.И. Пословицы и поговорки. М., 1859
14. Шаповалова Г.Г. Сатира и юмор в русских пословицах и поговорках. – Русский фольклор. Вып. 2. М.-Л., 1957
15. Гудок В.С. Афоризм и пословица. – Вопросы русской литературы. Львов, вып.2, 1967
16. Митропольская Н. Русские пословицы как малый жанр фольклора. Вильнюс, 1973

Communicative signibicanse of proverbs and sayings through newspaper.

Газет мәтініндегі мақал, мәтелдердің коммуникациялық жалпы мағынасы.

Ф. Б. Аманалиева

НЕДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРЯМАЯ РЕЧЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Ориентированность нашего исследования на изучение функций в художественном тексте прежде всего недиалогической прямой речи (НПР) обусловлена тем, что данная репрезентация прямой речи является классической в лингвистической системе благодаря её освобожденности от других синтаксических и композиционных наслоений. Это с одной стороны.

Но есть и другая сторона. Она связана с некой исключительностью НПР, что подтверждается сравнительно редким ее употреблением в тексте. В общей стилистической оценке роли того или иного лингвистического средства частотность его употребления оказывается весьма существенной. Общая тенденция (при всей непрямойности ее проявления) все-таки сводится к

тому, что «редкоупотребляемое» в стилистическом отношении оказывается, как правило, более «нагруженным», приводящим к большим стилистическим эффектам. Стилистический эффект понимается в данном случае как такой результат реализации категориальной природы речевого факта, который связан с его максимальным прагматическим воздействием на адресата. Это предполагает выявление тех контекстуально-ситуативных функций и условий реализации лингвистической единицы, которые максимально конкретизируют ее обобщенную функцию. Функция конструкции с прямой речью (КПР) в художественном тексте имеет две стороны своего воплощения. С одной стороны, это средство создания двупланового повествования: собственно авторского и неавторского, с другой стороны, это «привлечение» и других голосов, типизированных и индивидуализированных. Именно поэтому прямая речь становится средством характеристики художественного образа, являющегося, как известно, важной (если не важнейшей) категорией формирования прозаического произведения.

В этих двух главных ориентирах и следует рассматривать стилистические эффекты в целом и их специфику при использовании такой ее разновидности, как НПР.

Первый ориентир позволяет увидеть такие более частные функции НПР, как:

1. Необходимость отразить «иллокуцию» коммуникативного акта, когда последний становится важнейшим элементом воспроизводимой ситуации.

2. Необходимость участия в соотносительности плана автора с планом персонажа.

3. Необходимость выделения поворотного пункта сюжетно-событийного хода повествования.

Второй ориентир дает возможность уточнить соответственно набор своих частных функций:

1. Необходимость художественно типизировать изображаемое – будь это персонаж или социально-исторические обстоятельства и бытовые ситуации.

2. Необходимость отражения многоголосья окружающего мира, без чего художественные произведения определенной жанрово-стилевой направленности могли бы оказаться вне живой атмосферы бытия. Это последняя функция НПР нуждается в оговорке. Многообразие жанров, идейно-художественных направлений, стилевых ориентиров современной русской художественной литературы таково, что композиционно-стилистическая и синтаксическая организация

конкретных произведений выглядит также весьма и весьма многообразно. В этом многообразии прозаических повествований появляются и такие, в которых прямая речь оказывается почти неуместной. Не случайно известный критик В.Камянов пишет: «Многим ли активно действующим прозаикам близка поэтика скрытых связей и перекличек, где неприложимы рассудочные мерки и где лучшая форма исповеди не речь, а жест» [1].

Эта вдумчивая оценка определенных фактов современной прозы дает новый импульс к изучению композиционно-синтаксической структуры художественного текста и новый ключ к выявлению соответствующей методики. Пока ограничимся лишь оговоркой и примером. Им может служить оригинальная проза Л.Петрушевской, которая в небольших рассказах все чаще обходится без прямой речи, настойчиво заменяя ее косвенной (см., например, «Новые Робинзоны») (Хроника XX века).

И тем не менее НПР и в прозе конца XX века – существенный фактор композиционно-синтаксической организации.

Перейдем к рассмотрению частных функций НПР:

1. Первой функцией была названа «иллокуция» коммуникативного акта. «Иллокуция» в данном случае трактуется расширительно и связывается с тем, что речевое действие становится в один ряд с другими действиями, провоцируя их.

Можно выделить две разновидности названной функции.

К первой разновидности относятся случаи, когда НПР выступает в роли непосредственного импульса к действию персонажа, описанного в авторском комментарии.

«Кончается наш разговор всегда одинаково. Жена вдруг вспоминает, что я еще не пил чаю, и пугается.

- Что же это я сию? – говорит она, поднимаясь, - самовар давно на столе, а я тут болтаю. Какая я стала беспамятная, господи!» (А.П.Чехов. Скучная история)

Автор вводит читателя в определенную ситуацию, которая выражается не только авторским описанием, но и словами персонажа, непосредственно иллюстрирующими то, о чем было только что сказано. Ситуация как бы персонифицируется, интерпретируется и оценивается действующим лицом.

Ко второй разновидности относятся случаи, когда НПР контрастирует со словами автора,

противоречит им и тем не менее вызывает определенное действие.

«Она [Лиза] слушала его [Павла], опустив голову, и серьезно, негромко вставляла свои скупые слова:

- Не знаю, как ты будешь. Не придумаю, чем тебе помочь...

Но – придумала» (М.Горький. Мордовка).

В данном примере НПР выражает безвыходность, невозможность помощи, однако в речи автора это положение как бы опровергается, приобретая тем самым большую значимость.

Указанный прием помогает развитию сюжета, так как позволяет показать изменения в поведении действующего лица, его отношение к действительности и т. д.

2. Второй функцией НПР является необходимость участия в соотнесенности плана автора с планом персонажа. Сюда относятся случаи, когда содержание речи персонажа как бы подхватывается, развивается в авторской речи.

«И когда случается, по соседству за каким-либо столом заходит речь о Туркиных, то он [Ионыч] спрашивает:

- Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?

Вот и все, что можно сказать про него.

А Туркины? Иван Иванович не постарел, несколько не изменился и по-прежнему все острит и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре. Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым» (А.П.Чехов. Ионыч).

Этот прием вводит автора в круг описываемых им действующих лиц, что, разумеется, делает в глазах читателя авторское повествование более достоверным. Автор «знает» своих действующих лиц, знаком с ними, он «знает» о некоторых из них больше, чем другие персонажи его повествования.

Ионыч уже забыл многое из того, что связывало его с Туркиными. А автор помнит и знает то, что Ионычу уже неизвестно, поэтому он и имеет право рассказать о том, о чем начал говорить его персонаж.

3. Третьей функцией была названа необходимость выделения поворотного пункта сюжетно-событийного хода повествования.

В первой повести трилогии М.Горького «Детство» тринадцатая глава (последняя) закан-

чивается повествованием о смерти матери Алексея и ее похорон. Одна недиалогическая реплика деда, завершающая авторский текст, красноречивее всяких описаний говорит о решении деда, о его отношении к Алексею, к жизни:

«Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:

- Ну, Лексей, ты – не медаль, на шее у меня – не место тебе, а иди-ка ты в люди...» (М.Горький. Детство).

М.Горький опускает все второстепенное, оставляет существенное, важное.

И последним предложением («И пошел я в люди») предопределяется вся следующая, вторая часть произведения, не случайно названная «В людях».

Второй названный нами ориентир использования НПР при характеристике художественного образа дает возможность выделить две ее функции:

1. Художественная типизация изображаемого.

Показателен в этом отношении рассказ М.Горького «Коновалов».

Так, именно короткие одиночные реплики главного героя не менее полно и убедительно (чем развернутое описание) характеризуют основное в его облике: тягу к культуре, сложный внутренний мир, пробуждение социального самосознания и умение самозабвенно трудиться.

В репликах Коновалова, несмотря на их краткость, показана его индивидуальная манера речи, ее выразительность и афористичность:

«Он любил работать, увлекался делом, унывал, когда печь пекла плохо или тесто медленно всходило. Сердился и ругал хозяина, если он покупал сырую муку, и был по-детски весел и доволен, если хлебы из печи выходили правильно круглые, высокие, «подъемистые», в меру румяные, с тонкой, хрустящей коркой. Бывало, он брал с лопаты в руки самый удачный каравай, и, перекидывая его с ладони на ладонь, обжигаясь, весело смеялся, говоря мне:

- Эх, какого красавца мы с тобой сработали».

Коновалов, в отличие от многих других персонажей М.Горького, во всех неудачах своей жизни винит не окружающих, а прежде всего самого себя, удивляя этим будущего писателя:

«А он испытывал удовольствие, бичуя себя; именно удовольствием блестили его глаза, когда он звучным баритоном кричал мне:

- Каждый человек сам себе хозяин, и никто в этом не повинен, ежели я подлец».

Он упорно ищет ответа на вопрос: почему люди несчастны? Его не удовлетворяет критическое осмысление лишь обстоятельств, на первый план выдвигается сам человек, его возможности изменить самого себя.

В творчестве М.Горького занимала очень большое место тема «Книги в жизни человека». Показательна в этом отношении и влюбленность в книгу Коновалова:

« - ... Ах, братцы, какие книги есть на свете! Про Пилу... Максим. а?... Братцы, не книга это, а кровь и слезы.»

Эти слова Коновалова как нельзя лучше объясняют его приверженность и чуткость к художественному слову – и показательны, что представлены они в виде НПР.

Книга настолько органично входит в жизнь героя, что он называет предметы, с которыми имел дело, именами ее героев, и «...когда однажды с полки упала и разбилась хлебная чашка, он огорченно и зло воскликнул:

- Ах ты, воевода Прозоровский!

Неудавшийся хлеб он величал Фролкой, дрожжи именовались «Стенькины думки»; сам же Стенька был синонимом всего исключительного, крупного, несчастного, неудавшегося».

Весьма симптоматична и реакция Коновалова на форму произведения – он не одобряет, например, отсутствие многоголосья в исторических сочинениях, к которому так привык, слушая произведения художественной литературы:

«И вскоре я уже читал ему Костомарова: «Бунт Стеньки Разина». Сначала талантливая монография, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю.

- А почему тут разговоров нет? – спросил он, заглядывая в книгу».

Активизация читательского внимания к наиболее ярким чертам своих персонажей достигается М.Горьким и широким использованием пословиц, афоризмов, крылатых выражений, которые щедро включаются им в НПР:

«Поговорками он [Козлов] – читаем в романе «Жизнь Климата Самгина» - был богат, и все они звучали, точно аккорды одной и той же мелодии.

- Главный кирпич не в карнизе, а в фундаменте. Всякий бык теленком был, – то и дело вставлял он в свою речь».

Но афоризмы – это не только средство характеристики речи. В них часто воплощено

жизненное кредо человека. Не случайно толсто-вец из трилогии М.Горького озабочен поисками словесной формулы для выражения переполняющего его чувства. И он находит ее – в собственном афоризме:

« - Истина – это любовь, - восклицал толсто-вец, а глаза его сверкали ненавистью и презрением» (М.Горький. Мои университеты).

Образ мыслей дворника Тихона Вялова из романа «Дело Артамоновых» выразительно очерчен в афоризмах, раскрывающих его думы о смысле жизни.

«Вечерами они сидели с ним у ворот, и Артамонов старший слышал увещающий голос мужика:

- Это так. Меньше несешь – легче идешь. А насчет углов не верьте. Какие углы в небе? Стен в небе нету».

«И Тихон Вялов повторял знакомую Петру свою поговорку:

- Человек – нитку прядет, черт дерюгу ткет, так оно, без конца и идет» (М.Горький. Дело Артамоновых).

В НПР оказался запечатленным и суровый облик Н.Е.Каронина-Петропавловского:

«Кто-то рассказал мне, что в день смерти Каронин грустно сознался:

- Оказывается умирать гораздо проще, чем жить» (М.Горький. Н.Е.Каронин-Петропавловский).

В истории творчества М.Горького афоризмы сыграли роль своеобразного аккумулятора жизненного материала, создавая своего рода смысловую сетку, которую впоследствии, когда нужно было «развертывать слова», писатель заполнял «художественным» содержанием.

В качестве особого приема в произведениях М.Горького используются одиночные реплики, являющиеся любимыми выражениями тех или иных персонажей. Так, в восьмой главе своей трилогии М.Горький описывает одного из нахлебников, живущих в доме Кашириных:

«Это был худощавый, сутулый человек, с белым лицом в черной раздвоенной бородке, с добрыми глазами, в очках. Был он молчалив, незаметен и, когда его приглашали обедать, чай пить, неизменно отвечал:

- Хорошее дело».

В последующем авторском повествовании мы так и не узнаем ни имени, ни фамилии этого человека. Автор сообщит нам лишь о том, что бабушка Акулина Ивановна, чуткий к языку человек, прозвала своего нахлебника «Хорошее дело».

Мир для М.Горького невозможен без звуков. Это в равной степени относится и к человеку, который невозможен вне речи.

II. Второй функцией НПР, как было сказано, является отражение многоголосья окружающего мира.

Так, незавершенная реплика одного из персонажей романа «Мать» в обстановке сменяющихся друг друга высказываний как бы оживляет общую картину, передает реалистически живую атмосферу судебного заседания.

«В зале говорили свидетели – торопливо, обесцвеченными голосами, судьи – неохотно и безучастно. Толстый судья зевал, прикрывая рот пухлой рукой, рыжеусый побледнел еще более, иногда он поднимал руку и, туго нажимая на кость виска пальцем, слепо смотрел в потолок жалобно расширенными глазами. Прокурор изредка черкал карандашом по бумаге и снова продолжал беззвучную беседу с предводителем дворянства, а тот, поглаживая седую бороду, закатывал огромные красивые глаза и улыбался, важно сгибая шею. Городской голова сидел, закинув ногу на ногу, бесшумно барабанил пальцами по колену и сосредоточенно наблюдал за движениями пальцев. Только волостной старшина, утвердив живот на коленях и заботливо поддерживая его руками, сидел, наклонив голову, и, казалось, один вслушивался в однообразное журчание голосов, да старичок, воткнувшийся в кресло, торчал в нем неподвижно, как

флюгер в безветренный день. Продолжалось это долго, и снова оцепенение скуки ослепило людей...

- Объявляю... - сказал старичок и, раздавив тонкими губами следующие слова, встал.

Шум, вздохи, тихие восклицания, кашель и шарканье ног наполнили зал» (М.Горький. Мать).

Содержание объявления «старичка» в данном случае не имеет сколько-нибудь существенного значения, поэтому оно и не излагается, но достоверность ситуации подчеркивается этой недialogической репликой.

Использование НПР играет не только идейно-содержательную роль, оно важно в художественном отношении, в частности, и для отражения той языковой полифонии, без которой, как показал М.Бахтин [2], невозможно создать современное художественное произведение, в котором весьма важно соотношение авторской речи с речью персонажей.

1. Камянов В. Где тонко – там не рвется // Новый мир. – 1989. - №8, с. 226-240.

2. Бахтин М.И. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. - 471 с.

Осы мақалада көркем прозадағы диалогтық емес төл сөздердің стилстикалық эффекттерінің мүмкіндіктері қарастырылады

The possibilities of stylistics effects of non dialogic direct speech in fiction prose are considered in this article

Д. А. Амандықов

МЭШҲҮР ЖҮСІП КӨПЕЕВ ТІЛІ

Қазақ тарихында көптеген ұлы тұлғалардың қашан да өз еліне адал қызмет етіп, ғылыми тұрғыдан болсын, діни тұрғыдан болсын дәлелдермен түсіндіріп, халқының көзін ашар біраз дүниелерді жазып қалдырғаны мәлім. Діни білімі бар адам үшін бұл үлкен сауапқа кенелтетін амалдар. Осындай ниетпен халық қамы үшін аянбай тіршілік еткен тұлғалардың бірі – Мәшһүр Жүсіп Көпеев.

Болашақ ақын қаршадай жасынан қолына қалам алып ескіше оқыған, ескіше хат таныған. Ол кішкентайынан молданың алдын көрген, оның балауса көк шыбығының «дәмін» татқан.

Өйткені, молда қыбыр-жыбыр еткенді, оқымағанды табан астында жазалайтын.

Жас Мәшһүр Жүсіп молдадан бір «қиындық» көрсе, бірге оқыған балалар «түйебас» қып ойнап тағы да тағдыр тауқыметін тартқызыпты. Мәшһүрдің әкесі Көпей де жасында азапты көрген, басынан қиыншылықты өткізген кісі екен. Өзі маңдай терімен дүние тауып, зерек баланы – Мәшһүр Жүсіпті молдаға оқуға бергенді жөн санап, Хамар молдаға тапсырады.

Мәшһүр Жүсіп көзін тырнап аша салысымен медреседе оқыды, жатпай-тұрмай «әптие», «иманшарт», «мұхтасарларды» ақтарды, одан